

Дробжева Галина Михайловна

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КОНЦЕПТА "КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО"

Статья раскрывает новые методологические возможности разработанного в 20-е годы XX в. концепта "культурное гнездо" для современных культуроведческих исследований провинции. В ней прослежены предыстория и основные этапы становления данного концепта, показана драматическая борьба различных направлений в советской исторической науке и литературоведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/12-1/12.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (67): в 2-х ч. Ч. I. С. 48-51. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 303.425.2

Культурология

Статья раскрывает новые методологические возможности разработанного в 20-е годы XX в. концепта «культурное гнездо» для современных культуроведческих исследований провинции. В ней прослежены предыстория и основные этапы становления данного концепта, показана драматическая борьба различных направлений в советской исторической науке и литературоведении.

Ключевые слова и фразы: «культурное гнездо»; «литературное гнездо»; областной принцип изучения культуры; Н. К. Пиксанов; исследования областной истории; синтетический способ описания культуры.

Галина Михайловна Дробжева, к. филос. н., доцент

Кафедра «История и философия»

Тамбовский государственный технический университет

gamidro@mail.ru

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО»[©]

В начале XX в. в российском культуроведении активизировался интерес к т.н. «областному принципу» - русскому аналогу принципа регионализма, появившегося в западноевропейской науке в 70-е годы XIX в. Российская идеология областничества как признание важной роли региона в развитии культуры так или иначе и в той или иной степени проявилась в творчестве русских философов и писателей-почвенников (К. Н. Леонтьева, Ап. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского), но в относительно строгом и систематизированном виде впервые была представлена в работе русского учёного и публициста чрезвычайно широкого круга научных интересов - географа, ботаника, этнографа, фольклориста Григория Николаевича Потанина (1835-1920). Его программная для становления областного принципа работа «Областническая тенденция в Сибири» (1907) была посвящена идеологическим основаниям региональной литературы.

Наиболее ярким представителем новой научной тенденции стал литературовед Николай Кирьякович Пиксанов (1878-1969), который ввёл в научный обиход концепт «культурное гнездо». По его мнению, насущная необходимость обсуждения вопроса об отношениях центра и областей в истории русской духовной культуры застала отечественную историческую науку 20-х годов XX столетия врасплох, поскольку она не выработала ещё соответствующих историко-культурных установок, позволяющих исследовать эту проблему. Пиксанов сетовал на косность и архаичность научно-исторического мышления, отстающего, на его взгляд, даже от обыденного сознания, революционизированного Октябрем 1917 г. «Старый исторический процесс был процессом централизации подчиняющей суровой власти, сначала московской, потом петербургской, малые национальности, независимые области, местную жизнь хозяйственную и т.д. подчиняющей по возможности всё одной политической и полицейской униформе и стирающей безжалостно местные особенности», - писал Пиксанов в работе «Областной принцип в русском культуроведении» [10].

Этот метод локального описания русской истории позволял исследователям выявлять:

- специфические черты, характерные для всех русских провинций;
- особые черты, характеризующие каждую провинцию;
- черты, присущие изучаемой провинции как центру, к которому тяготеют её собственные провинции.

Впервые понятие «культурное гнездо» было введено Н. К. Пиксановым в работе «Два века русской литературы» в 1923 г. В ней он подчёркивал, что в «движениях и поворотах «русской», т.е. общерусской, столичной литературы мы многого не поймем, если не изучим областных культурных гнезд» [9, с. 10]. Пиксанов, в частности, настаивал на необходимости изучения «литературных гнёзд» областных пластов культуры для последующего использования в описании истории литературы в целом. «Порою приходится говорить не об областной литературе, а об областном «литературном гнезде», т.е. более узкой группе местных писателей, связанных общностью воззрений и культивирующих тот или иной вид творчества, имеющий локальную окраску. Порою эти литературные гнезда бывают очень крепкими и воспитывают выдающихся деятелей областной литературы. Таковы казанское гнездо начала XIX в. и воронежское - середины того же века» [12].

Концепция Н. К. Пиксанова, разрабатываемая им в период 1913-1923 гг. и нашедшая последователей среди краеведов, вызвала возражения среди противников применения областного принципа к изучению современной отечественной культуры. Так, основоположник концепции синтетического построения истории русской литературы П. Н. Сакулин считал, что «по отношению к новому периоду областной принцип не может иметь того значения, какое принадлежит ему в древний период. Так, «...по мере приближения к нашему времени... областной принцип идет на убыль, и его значение обратно пропорционально росту культуры. Во-вторых, если областные культурные гнезда отражают на себе местные особенности и, следовательно, могут иметь более или менее самобытные черты, то нельзя забывать и того, что большею частью они представляют преломление общерусской культуры в местных условиях и, стало быть, значение областных гнезд становится уже производным» [14, с. 40]. С точкой зрения Сакулина, в принципе, был солидарен

и М. П. Сокольников, исследователь литературы Иваново-Вознесенского края. Он пришёл к выводу, что «проследить исторически смены отдельных литературных направлений, дать схему некоторого органического развития губернской литературы - совершенно невозможно, пользуясь краевыми рамками» [15]. Как резонно замечают современные исследователи Е. И. Дергачёва-Скоп и В. Н. Алексеев, вывод Сокольникова вполне логичен, поскольку описание местных литературных явлений ведётся всегда в сравнении с общерусскими. Очевидно, что сравнение местного бытописателя с Чеховым, а журналиста - с Белинским или Добролюбовым происходит не в пользу местных деятелей, но при этом практически всегда забывается о том, что и Чехов, и Белинский, и Добролюбов из провинции пришли в общую русскую культурную традицию [8]. Литературный мир может быть сложен и по-другому: из областных, местных явлений, как из атомов целое, складывается общерусская литература, которая транслирует себя вновь в местную культуру, и чем ближе к нашему времени, тем живее такой обмен.

В 20-е гг. исторические и историко-культурные методы в краеведении только начинали пробивать себе дорогу. Понимание возможностей местной культуры становилось более ясным, когда изучение литературы начали теснее соотносить и с другими проявлениями духовной жизни провинции. Именно поэтому идея Н. К. Пиксанова была воспринята и включена в 1926-1928 гг. в программу исторического краеведения известным историком-энциклопедистом И. М. Гревсом. В фундаментальной статье 1926 г. «История в краеведении» [6, с. 487-508] он сформулировал важность изучения культурных гнезд для исторического изучения явлений духовной культуры в целом в их естественной среде.

Подчеркивая достоинства литературоведческого открытия Н. К. Пиксанова, Гревс писал: «Есть целый ряд местностей (городов), которые были в разные эпохи центром своеобразного литературного цветения. Близкое знакомство с такими фактами поможет обрисовать внутреннюю жизнь не одного края часто совсем новыми красками и глубже понять влияние культурных течений, проникавших в столицы из провинций» [Там же, с. 383-384]. При этом И. М. Гревс, расширяя понятие «культурного гнезда», переносит его и на другие сферы духовной культуры, охватывая не только поэзию и беллетристику, но также и журналистику, и школьное дело, «историю образования на местах вообще и научные начинания».

Благодаря активной пропаганде Гревсом принципа культурных гнезд, зародилась тенденция реабилитации культурной роли провинции бывшей империи. Именно в этот период в исследованиях намечается поворот к местной, локальной культуре, трактуемой теперь как генетическая основа всех русских культурных традиций. К 1928 г. намечился путь изучения областных культур через анализ исторических «культурных гнезд» как первичных ячеек общерусской культуры. В 1928 г. появляется книга Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда» [11] и еще одна статья И. М. Гревса «Очередная задача краевого культуроведения» [7, с. 368-376].

Созданное в эти годы Центральное бюро краеведения при Российской академии наук печатает ряд статей и докладов, посвященных задачам и методам изучения областной истории. Среди них наиболее значимы труды М. М. Богословского [4, с. 118-124], В. В. Богданова [3, с. 125-132], Н. П. Анциферова [1, с. 321-328] и С. В. Бахрушина [2, с. 129-140], способствовавшие становлению концепта «культурное гнездо» для описания истории провинциальной культуры.

В этих работах отразились две точки зрения на описание областной истории. Первая из них выражена в работе М. М. Богословского, для которого всякое исследование областной истории лишь подкрепляет уже доказанные общие положения и выводы. Далее эти наблюдения над историей отдельных мест, местными особенностями, хозяйственными, бытовыми, культурными и другими явлениями ложатся в общее русло изучений исторического процесса в целом. Эта точка зрения заостряла внимание на принципе изучения историко-культурного процесса в провинции, фиксирующем прежде всего её связь с метрополией. При этом местные особенности выступают как «нюансы», подтверждающие всё те же общие закономерности.

Метод, отстаиваемый Богословским, безусловно применим в тех случаях, когда трансляция историко-культурных процессов метрополии в провинции не вызывает сомнения, и особенно эффективен при описании некоторых общеисторических процессов [4]. Позднее, в 1928 г., к этой концепции примкнул С. В. Бахрушин в своей статье «Задачи исторического изучения края», при этом значительно откорректировав её в пользу локальных методов. Опираясь в своих выводах на те же положения, что и М. М. Богословский, Бахрушин, однако, подчеркнул, что историю нельзя описать только «с птичьего полета» [2, с. 131].

Иная точка зрения была представлена в работах Вл. Вл. Богданова и Н. П. Анциферова. Они предложили сделать объектом изучения такие уровни культурно-исторического процесса, которые характеризуются специфическими чертами, присущими именно провинции, и заняться «поместным изучением своего прошлого». По их мнению, все края и провинции России, не исключая Москвы и Петербурга, имеют свою локальную историю, которая «прочитывается» в различных сферах местной культуры.

Концепт «культурное гнездо», разработанный Пиксановым, подкрепленный серьезными теоретическими работами, по существу, вбирал в себя оба подхода к историко-культурному процессу и позволял краеведению приобрести статус академической науки. Однако книга Н. К. Пиксанова о культурных гнездах практически сразу оказалась «несвоевременной». Кардинальная перестройка краеведения и сдвиг его в утилитарную сторону начались как раз в 1928 г. Дело доходило до требования превращения памятников «прошлой культуры» из «мертвого капитала» «в одну из производительных сил современности, в культурный капитал строящегося социалистического общества» [5, с. 24]. В 1928-1931 годы, по существу, были перекрыты все возможные пути для дальнейшей разработки и применения локального метода в истории.

Концепт «культурное гнездо» Пиксанова-Гревса вновь появился в исследованиях областной культуры в 60-е гг. XX столетия, но уже как объект критики, доказывавшей невозможность его использования. Позиция Пиксанова была объявлена ошибочной, потому что русскую литературу он рассматривал как «совокупность областных литератур». Справедливости ради следует отметить, что Пиксанов, Гревс и поддерживавшие их краеведы и историки культуры не отрицали, что местная культура есть часть общерусской. Однако они подчеркивали, что при взаимной связи провинции и центра и общерусская, и местная культуры слагаются из локальных культурных явлений, становящихся общерусскими и, в свою очередь, влияющих на местные культурные процессы.

В концепте «культурное гнездо» предлагалась иная точка отсчета культурных явлений, вплетающихся в архитектуру общерусской истории культуры. Но, к сожалению, в 60-70-е гг. в советском литературоведении и истории культуры господствовала точка зрения, согласно которой с возвышением Московской Руси, с политической централизацией Русского государства создавалась единая русская литература, в которой не было места самостоятельным местным литературам.

Наиболее верной считалась тогда концепция М. К. Азадовского, полагавшего, что областная литература представляет собою участок общерусской литературы, отображающей на краевом (местном, областном) материале ее общий путь развития и происходящие в ней процессы борьбы классов. «Наблюдаемые же в ней специфические черты и особенности являются лишь результатом той конкретной обстановки и условий, в которых протекал на местах общий процесс классовой борьбы и которые определили ту или иную расстановку социальных сил» [8].

Идеологическая тенденция к унификации и прозрачности культурного пространства СССР на время закрыла для исследования и широкого научного обсуждения проблему специфики провинциальной культуры. При этом нельзя отрицать ценность методологической и фактологической ценности трудов таких исследователей культуры как М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, Д. С. Лихачёв, Ю. М. Лотман, М. С. Каган, В. С. Библер, Б. А. Успенский для осмысления типологии провинциальности.

Современные исследователи провинциальной культуры Сибири Е. И. Дергачёва-Скоп и В. Н. Алексеев, отмечая, что в последние годы сделано чрезвычайно много для изучения истории краев и областей, маленьких населенных пунктов, и плодотворность «поместного» изучения никого уже не смущает, тем не менее, вполне резонно сетуют на незаслуженное пренебрежение к локальному методу. Несмотря на то, что культурная жизнь провинции всё чаще включается в круг внимания историков и культурологов, многие явления местной культуры, по мнению указанных исследователей, рассматриваются исключительно с «птичьего полета» историко-юридических и социально-экономических обобщений, а дореволюционные культурологи, часто без дифференциации их по школам, обвиняются в излишнем пристрастии к «описательности» [Там же].

Дергачёва-Скоп и Алексеев поднимают, по существу, чрезвычайно важную проблему, стоящую перед всем комплексом культуроведческих наук, так или иначе занимающихся исследованиями провинции. Синтетические исследования провинциальной культуры занимают очень скромное место, теряясь в потоке преимущественно «описательных» научных работ. Призыв к востребованию разработанного в 20-е годы XX столетия «синтетическими» историками культуры и представителями краеведческой (в то время она называлась *краеведной*) науки концепта «культурное гнездо» ни в коей мере не умаляет роль эмпирических исследований в деле всестороннего и равноуровневого изучения феномена провинции.

Речь идёт не о буквальном возврате к указанному подходу, но об извлечении рациональных зёрен из предложенных, сделанных Пиксановым, Гревсом и Анциферовым, об учёте достижений психологической школы 20-х годов прошлого века для начала работы над проблемой синтеза современных культуроведческих исследований провинции.

Психологическое направление в краеведении придавало большое значение изучению человеческого фактора, ставя в основание концепта «культурное гнездо» носителя провинциальной культуры как её создателя и хранителя. Поднимая вопрос о значении для русской культуры изучения «местных деятелей и уроженцев», представители психологического направления в краеведении подчёркивали, что «наиболее удачные питомцы» местной культуры, не похожие на других и незаменимые никем, освещают её и сами светятся ее тонами, дополняя и венчая «ландшафт» края.

Предложенный в 20-е годы прошлого столетия способ описания культуры посредством концепта «культурных гнёзд» создаёт возможности для синтетического способа описания культуры, дающего цельное представление о специфике культурного процесса, локализованного в провинции.

Историко-культурный ландшафт и связанная с ним проблема «города» как высшего проявления культурной деятельности человека - это второй компонент концепта «культурного гнезда». По мнению Пиксанова и Гревса, следует тщательно изучать все культурные «явления и движения» в провинции: просвещение, печать, журналистику, театр, искусство, архитектуру, социально-экономические, государственно-правовые аспекты ее жизни и т.д. Предложенная ими программа учитывает далеко не все аспекты изучения культуры провинции и требует усилий многих исследователей, которые должны учесть как ценные результаты, накопленные наукой за последние 70 лет, так и новейшие достижения культурной антропологии, социологии провинции и других наук культуроведческого цикла.

Список литературы

1. Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке (историко-культурные ландшафты) // Краеведение. 1928. Т. V. № 6.
2. Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. 1928. № 3.

3. **Богданов Вл. Вл.** Культурно-исторические очерки отдельных районов как результат накопления краеведных материалов // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. Н. Новгород: Нижполиграф, 1923.
4. **Богословский М. М.** Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. Н. Новгород: Нижполиграф, 1923.
5. **Гейнике Н. А.** Роль краеведных организаций в деле охраны памятников искусства и старины // Известия Центрального Бюро краеведения. 1928. № 9.
6. **Гревс И. М.** История в краеведении // Краеведение. 1926. Т. III. № 4.
7. **Гревс И. М.** Очередные задачи краевого культуроведения // Краеведение. 1928. Т. V. № 6.
8. **Дергачёва-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.** Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири [Электронный ресурс]. URL: http://www.zaimka.ru/03_2002/dergacheva_concept/
9. **Пиксанов Н. К.** Два века русской литературы. М., 1923.
10. **Пиксанов Н. К.** Областной принцип в русском культуроведении [Электронный ресурс]. URL: <http://kray.ucoz.ru/index/0-20>
11. **Пиксанов Н. К.** Областные культурные гнезда. М. - Л., 1928.
12. **Пиксанов Н. К.** Областные литературы и литературное областничество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vevivi.ru/best/Oblastnye-literatury-i-literaturnoe-oblastnichestvo-ref40158.html>
13. **Пирожков Г. П.** Краеведение в социокультурном пространстве региона (культурологический аспект) // Труды Кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. научных статей. СПб., 2007. Вып. 5.
14. **Сакулин П. Н.** Синтетическое построение литературы. М., 1925.
15. **Сокольников М. П.** Литература Иваново-Вознесенского края: введение в изучение местной литературы // Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск, 1925.

УДК 159.9

Психологические науки

Столичный мегаполис России является одним из самых полиэтничных городов мира. Население Москвы постоянно пополняется за счет притока жителей из других регионов. Целью данного исследования был анализ аккультурационных ожиданий, а также установок по отношению к мигрантам, которые характерны для принимающего населения г. Москвы. В работе проанализированы такие показатели как этническая и гражданская идентичность, мигрантофобия, аккультурационные ожидания и т.д.

Ключевые слова и фразы: психологическая адаптация мигрантов; стратегии аккультурации; аккультурационные ожидания; принимающее общество; толерантность; мигрантофобия.

Мария Викторовна Ефремова, к. психол. н.

*Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
dulphine@yandex.ru*

АКУЛЬТУРАЦИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ И УСТАНОВКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ[©]

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-36-01369а
(Роль стратегий межкультурного взаимодействия в психологическом
благополучии мигрантов и принимающего общества).*

Современные миграционные процессы играют важную роль в формировании межэтнических отношений в поликультурном обществе. Сегодня большие города, принимая потоки мигрантов из различных стран и регионов, становятся поликультурными. Столичный мегаполис России является одним из самых полиэтничных городов мира. По справедливому замечанию современных исследователей, «этнические миграции, появившись в человеческой истории, создали новую ситуацию, которая в психологическом плане требует от человека (и человечества в целом) трудной работы понимания и принятия как иного взгляда на мир, запечатленного в других этнических культурах, так и понимания этнических основ собственного существования» [1]. Вопрос психологической адаптации мигрантов - один из самых изучаемых в современной психологической науке [2; 4; 5].

Важно отметить, что формирующаяся гражданская идентичность, как и этническая, во многом определяют миграционное поведение граждан. В поликультурной среде рассмотрение этнической и гражданской идентичностей в контексте социокультурной адаптации становится особо актуальным. Социальная идентичность и, в частности, такие ее составляющие как гражданская и этническая идентичности лежат в основе взаимоотношений в поликультурных обществах. На развитие и трансформацию этнического и гражданского самосознания оказывают значительное влияние миграционные процессы, характер межэтнических отношений, социально-экономическая стабильность в регионах и др.